

Джон Донн. Стихотворения
Перевод с английского Б. В. Томашевского.
Ленинград: Художественная литература, 1973. 168 с.

ПЕСНИ И СОНЕТЫ

С ДОБРЫМ УТРОМ

До дней любви чем были мы с тобой?
Нас будто от груди не отлучали.
Иль тешились мы детскою игрой,
Или в Пещере Семерых мы спали?
Но было это все ничем для нас,
Я красоту увидел в первый раз
В тот час, как встретил взгляд твоих желанных глаз.

А нынче «С добрым утром!» говорим
Мы душам, в страхе замершим смятенно;
Любовь весь мир нам делает чужим
И комнатку нам делает вселенной.
Пускай, плывя на запад, моряки
Откроют новые материки, —
Для нас есть мир один, где мы с тобой близки!

Мой лик в твоих глазах, а твой — в моих,
И верным двум сердцам здесь так чудесно!
Что лучше этих гемисфер? Ведь в них

Нет вихрей норда, угасанья веста.
Что смешано случайно, то умрет.
Но если две любви в одну сведет
Судьба, то, значит, нас в веках бессмертье ждет.

ПЕСНЯ

Эй, лови, летит звезда!
Мандрагору соблазни ты!
Где минувшие года?
Черту кто рассек копыто?
Песнь сирен понять сумеи,
Змея зависти убей!
 Где на свете
 Веет ветер,
Что приветом честных встретит?

И уж если ты рожден
Для чудес и откровений,
В путь ступай сквозь даль времён,
Чтоб постигнуть смысл явлений...
Ты вернешься в седилах
Возвестить о чудесах...
 Пусть внимают
 Все и знают:
Верных женщин не бывает.

Если б хоть нашлась одна,
Взял бы посох пилигрима...
Если скажут: здесь она, —

Я пройду спокойно мимо.
Будь хоть ангел чистоты,
Но, пока мне пишешь ты,
 Та девица
 Умудрится
До меня с тремя слюбиться.

СОЛНЦЕ ВСТАЕТ

О Солнце, старый хлопотун, к чему
Ты так пронзительно и резко
Лучами будишь нас сквозь занавеску, —
Мы не подвластны бегу твоему.
Наставник нудный, чья забота
Бранить проспавших класс ребят,
Гони с утра ты ловчих на охоту,
А сельских муравьев — на луг и в сад!
Ни лет, ни зим, ни стран любовь не знает,
Ни дней, ни месяцев она не различает.

Ты блеск лучей непобедимой
Считаешь силой, может быть?
Закрыв глаза, я их могу затмить,
Но не хочу терять я взор любимой.
И если он тебя не ослепляет,
Дай на вопрос ответ прямой:
Где пряности, где жемчуга блистают —
В двух Индиях иль здесь лежат со мной?

Спроси о королях и о вельможах,
И знай: все это здесь, на этом ложе.

Она—все царства, я — все короли,
Одни мы в мирозданье.
Триумф монархов — нам лишь подражанье,
Честь и богатство — в прахе и пыли.
Ты счастьем не сравнишься с нами,
Наш мир — на этом ложе он...
Зачем всю землю согревать лучами?
Свети сюда — и долг твой совершен!
Здесь для тебя вселенная открыта:
Постель — твой центр, круг стен — твоя орбита!

ТРОЙНОЙ ГЛУПЕЦ

Я стал двойным глупцом:
Люблю и говорю о том
В своей поэзии унылой.
Но где мудрец, кто, обладая милой,
Не стал грустить как я, с такой же силой?
Как берег узкий, врезанный в залив,
Вбирает соль, несомую волною,
Так, муки через рифмы протащив,
Я думал, что их этим успокою.
Грусть повторенная уже не так гнетет,
Тот укротит ее, кто в стих ее замкнет.

Но стоит сделать это,
Другой кладет стихи поэта
На музыку и в песне повторит,
И как бы вновь освободит
Ту боль, что стих в себе таит.
Дань Грусти и Любви пускай мой стих вручает,
Но не такой, чтоб нас при чтенье усладил...

Ведь иначе он боль усугубляет,
Провозгласив триумф их высших сил.
А я, двойной глупец, тройным стал перед вами:
И мудрецам порой нетрудно стать глупцами.

ЛИХОРАДКА

Не умирай, иль ненавиждь
Всех женщин стану я с тех пор,
Да и тебя смогу обидеть,
Сказав: «Быть женщиной—позор!»

Ты стать не можешь бездыханной:
Для тех, кто умер, — свет погас...
Но, уходя во мрак туманный,
Весь мир отнимешь ты от нас.

А если нет, то постепенно
Он обратится в труп немой,
Поблекнет женщин облик бранный,
Червями станет род мужской.

Давно ученые гадают,
Как будет мир земной сожжен...
Но истины они не знают —
В твоём огне погибнет он.

Нет, жизнь в тебе неистребима,
Не вечна огневица мук,
Хотя болезнь необходима,
Чтоб пламя не погасло вдруг.

Припадок вроде метеора:
Он, вспыхнув, пропадет опять...
Но Красота умрет не скоро,
В ней неизменности печать.

А я в уме таил иное,
Мечтая, чтоб недуг угас...
Не всей вселенной, а тобою
Хочу владеть хоть день, хоть час!

РАССВЕТ

Да, утро близко... Ну так что ж?
Ужель и вправду ты уйдешь?
Зачем нас разлучит светило?
Не тьма же нас соединила.
Любовь, что нас свела в закатный час,
Расстаться утром не заставит нас.

Но свет — он лишь безмолвный взор.
Умей вести он разговор,
Тогда сказал бы он такое:
«О, мне здесь хорошо с тобою,
Я честь свою и сердце так ценю,
Что их владельцу я не изменю».

Да разве ждут тебя дела?
Нет для любви страшнее зла!
Вор, нищий, лжец в любви пылают,
Но маклеры ее не знают.
Да, тот, кто любит в спешке дел, вполне
Способен изменить своей жене.

ГОДОВЩИНА

Все короли со свитой вместе,
Свет красоты, ума и чести,
И солнце, создающее года, —
Все стало старше на год, чем тогда,
Когда тебя я повстречал впервые,
А время рушит замыслы земные...
И лишь в любви распада нет,
Нет ни грядущих, ни прошедших бед...
Она свой огненный нам чертит след:
Свой первый день и свой последний вечный свет.

Нас примет не одна могила,
В одной бы смерть не разлучила...
Теперь же мы, прожив как короли
(Друг в друге царство мы свое нашли!),
Должны замкнуть свои глаза и уши,
Где меркнут слезы, вздохи стали глуше,
Но души — в них любовь одна,
Она им только и нужна, —

Летят в простор, где даль небес ясна...
Лишь тело в гроб уйдет, душа уже вольна.
И там постигнем мы блаженство,
Преодолев несовершенство...

Мы короли — весь мир нам тронный зал,
И подданных таких никто не знал.
Мы преданы не можем быть врагами,
Мы изменить себе лишь можем сами...
Давай отбросим страх пустой
И будем в чистоте любить с тобой,
Пробудем в мире срок законный свой,
А там, лет шестьдесят прожив, уйдем в иной.

ОБЩНОСТЬ ВЛАДЕНИЯ

Мы все к добру должны стремиться,
От зла нам надо отрешиться...
Но есть особый род вещей:
Любить их можно, ненавидеть
И все, что хочешь, в них увидеть
По воле прихоти своей.

Будь женщина перед тобою
Хорошею или плохою,
Ты б святость видел или грех...
Но раз природы мудрой сила
На лад один их сотворила,
То нам доступна близость всех.

Хороших мы бы распознали,
Добро мы сразу отличали,
Открыто всем глазам оно...
Но им опасно быть плохими,
Зло вмиг расправилось бы с ними:
Хвала, хула — им все равно!

С плодом сравнение здесь найдется:
Тот лишь надкусит, тот вгрызётся,
А этот сыт — и персик цел!
Блажен, кто жен шутя меняет
И шелуху к чертям швыряет,
Когда ядро ореха съел.

СКОВАННАЯ ЛЮБОВЬ

Однажды кто-то, ложью опозоря
Святой любви возвышенный порыв,
Решился заглушить свой стыд и горе,
Всем женщинам жестоко отомстив.

Возник закон иной:
Один лишь для одной...
Но весь ли мир такой?

Да разве солнце, и луна, и звезды
Сиять не властны тем, кому хотят?
Развод берут ли птицы, взвившись в воздух?
Нет, с кем им любо, с теми и летят.

Вольготна жизнь зверей:
Любой любым владей...
Но хуже у людей.

Кто выстроит корабль, чтоб у причала
Застыл он, а не вышел в океан?

Кто строит дом, чтоб мраморные залы
Замкнуть для всех и сунуть ключ в карман?
 Добро — к чему оно,
 Когда не всем дано
 И гибнет все равно?

ПРОЩАНИЕ
(О слезах)

Готов я слезы лить,
Покуда ты еще в моих объятьях....
Они твоей отмечены печатью —
И их теперь возможно оценить.
Они отныне вдвое
Как бы полны тобою:
Эмблема грусти, знаменье тоски...
И тонешь ты в слезах, как в быстрине реки,
И мы с тобой ничто, пока мы далеки.

На шар нанес пером
Художник-мастер стран разнообразие:
Европу, Африку и Азию —
Вместился целый мир на шаре том.
Так и слеза любая,
Твой облик отражая,
Вдруг вырастает чуть не в шар земной...
И слезы, что мы пролили с тобой,
Мир захлестнут огромною волной.

Не подражай луне —
Не дай мне гибель обрести в приливе,
В прощальном не оплакивай порыве,
Моли, чтоб не вредило море мне.
И заклинай, чтоб ветер
В пути меня приветил,
В неумолимой буре не губил...
Свое дыхание с твоим я слил,
Чтоб злобный рок мне смертью не грозил.

АЛХИМИЯ ЛЮБВИ

Кто далее меня проник в любви рудник,
Быть может, счастья и нашел родник,

А я любил, сказать о том пытался,
Но до разгадки тайны не добрался,
И я почти уже старик!

Все это ложь пустая!..

А разве эликсир алхимики нашли?

У колб и у реторт возясь в пыли,
Они всегда найти бывают рады

Лекарства новые иль ароматы.

Так ждут влюбленные негаснущих услад,
Но им ниспослан в дар лишь летней ночи хлад,

Ужель покой и деньги, честь и день

Отдать за радужный пузырь, за тень?

В чем суть любви, раз это счастье

И у лакея может быть во власти,

Коль иго жениха влачить ему не лень?

Глупец же, кто клянется,

Что ум лишь, а не плоть жены своей
 Он ангельским считает в ней,
Тот в грубой, хриплой песне в день венчанья
 Услышит и небесных сфер звучанье.
Ума у женщин нет. Блистая красотой,
Как будто мумии немые спят с тобой!

БЛОХА

Смотри: блоха! Ты понимаешь,
Какую малость дать мне не желаешь?
Кусала нас двоих она,
В ней наша кровь теперь совмещена!
Но не поверишь никогда ты,
Что это есть невинности утрата.
Блоха живет, не зная бед,
Здесь ей всегда готов двойной обед,
А нам с тобою этих пиршеств нет!

Три жизни пощади! Судьбою
Мы в ней как бы повенчаны с тобою...
Блоха есть ты и я, и нам
Она и ложе брачное и храм.
Мы слиты, хоть отец твой злится,
Во мгле живой гагатовой темницы.
Тебе легко меня убить,
А вот легко ль самоубийцей быть
И разом три убийства совершить?

Но вдруг ты гневом воспылала,
Твой ноготь обагрится кровью алой...
А в чем была ее вина?
Лишь каплю крови выпила она.
И с торжеством ты объявила,
Что прежняя в тебе осталась сила...
Отбрось же страх, любовь моя!
Предайся мне, и не погибнет честь твоя:
Не больше, чем блоха, тебе опасен я.

ПРОКЛЯТИЕ

Кто догадался сам иль разузнал,
Кого люблю, тому я шлю проклятье:
 Хочу, чтобы в его объятья
 Лишь кошелек наложниц привлекал,
Чтоб он с врагом любимую застал...
 Пусть проклят подлецами он блуждает,
 Пусть правды ото лжи не отличает,
Пусть страх утрат везде его терзает.

Пускай от бед свихнется он с ума,
Пусть от подагры в ночь ему не спится,
 Пусть совесть в нем не шевелится
 И пусть его жена сама
Признает, что удел его тюрьма.
 И в нищете все большей год от года
Пусть будет он позором для народа,
 И пусть краснеет за него природа.

Пусть мысль, что он изменник, зреет в нем,
Пусть знает, что казнят его за это,
 Что на него петля надета...
 Пусть будет награжден чужим сынком,
Отменным олухом, слепым щенком,
 Пусть пьянствует в таверне чуть не сутки,
 Пусть собутельники ему в закутке
 Устроят обрезанье—ради шутки.

Яд старых дев и ярость игроков,
Тиранов злые замыслы, как глыбы,
 Все, что рождают звери, рыбы,
 Всю огненную силу гневных слов
 Пророков и поэтов — я готов
Обрушить на него со всею силой...
 Но если враг *Она*, то уж проклятье было:
 Природа здесь меня давно опередила.

ПОСЛАНИЕ

Верни глаза мои обратно —
Ты их брала не безвозвратно!
Но навидались столько лжи,
 Ужимок льстивых
 И слез фальшивых,
 Увы! — они
 За эти дни,
Что их пока попридержи.

Верни и сердце... Было дома
Ему притворство незнакомо.
Но, наущенное тобой
 Юлить, ломаться,
 Лгать, издеваться,
 Клятв не держать, —
 Пускай опять
Не возвращается домой,

Нет! Всё назад верни скорее,
Чтоб видеть ложь я мог яснее
И рад был, что и ты беды
 Не избежала,
 И все мечтала
 Лишь об одном —
 О нем, о том,
Кто был и льстив и лжив, как ты!

ПРИМАНКА

Приди ко мне и будь моею,
И все нам станет веселее:
Песок янтарный над ручьем
И леска тонкая с крючком.

Речушку, что вдали блистает,
Твой взор, как солнце, согревает.
О, ежели они могли б,
К тебе бы всплыли стаи рыб.

А если вздумаешь купаться,
Все рыбки будут любоваться
Тобой и ближе подплывать,
Как бы стремясь тебя поймать.

Луны и солнца взор нескромный
Затмить ты можешь, безусловно...
А если б дали мне взглянуть,
Их свет не нужен мне ничуть.

Пусть мерзнут олухи в томленье
И ранят ноги о камня,
Чтоб рыбку на крючок поддеть
Иль заманить коварно в сеть.

Пусть хлюпают и вязнут в иле,
Считая, сколько наловили,
Пусть мухи вьются под водой,
Грозя рыбешкам стать бедой.

Но ты, не мудрствуя нимало,
Мне одному приманкой стала...
А рыбка, увильнув от нас,
Хитрей меня во много раз!

ПРИЗРАК

Когда умру, отвергнутый тобою,
И, о любви всю память истребя,
Свободной ты почувствуешь себя,
Мой дух слетит, окутан тьмою,
В других объятьях подстеречь тебя...
Тогда в свече твоей померкнет пламя:
А тот, чьей стала ты, уже устав,
Вообразит, что просишь ты щипками
Еще забав,
И отвернется, вновь объятый снами.
Осиною тогда ты затрепещешь,
Облита потом — ртутью ледяной,
Вся бледная, как призрак мой.
Но буду я тогда молчать зловеще...
Что толку? Раз любовь моя мертва,
Уж лучше слышать покаянные слова,
Чем знать: ты мне верна, от страха чуть жива.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Безумен тот, кто говорит:
«Лишь час влачил любви я бремя!»
Так скоро смерть ей не грозит,
И сотню жрет она за это время.
Но кто в рассказ поверит мой,
Что я весь год болел чумой?
Сказать ведь можно только ради шутки,
Что бочка с порохом горела сутки.

О, сердце! Жалостный предмет,
Когда в руках любви забьется!
И сколько рок ни шлет нам бед,
Всегда их слишком много остается.
Любовь с налету в первый раз
Стремительно хватает нас.
Цепь ядер мигом армию сметает,
Любовь, как щука, всех мальков глотает.

Что стало с сердцем — вот вопрос, —
Когда ты предо мной предстала?
Я сердце в комнату принес,
А вышел прочь, гляжу — его не стало.
Уйдя к тебе, но честь храня,
Оно молило б за меня...
Увы! Любви неистовая сила,
Как хрупкое стекло, его разбила.

А что создашь из ничего?
Ведь нет же пустоты в природе,
И, вместо сердца моего,
Теперь в груди одни осколки бродят.
Разбито зеркало — и в нем
Мы сотней обликов мелькнем,
Так и осколки сердца ждут, желают,
Но подлинной любви они не знают.

ПРОЩАНИЕ, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

Так незаметно покидали
Иные праведники свет,
Что их друзья не различали,
Ушло дыханье или нет.

И мы расстанемся бесшумно...
Зачем вздыхать и плакать нам?
Кошунством было бы безумным
Открыть любовь чужим глазам.

Вселяют страх землетрясения,
Они предвестья грозных бед...
Но меньше нам грозят движенья
Небесных сфер или планет.

Как тягостны часы разлуки
Сердцам любовников земных...
Уходят с ней глаза и руки,
Все то, что радовало их.

Любви возвышенной границы
Еще таинственны для нас...
Но не боимся мы лишиться
Ни милых рук, ни губ, ни глаз.

Ведь стали две души одною,
Их мой отъезд не разорвет...
Так слитка золото литое
В тончайший лист кузнец кует.

А если две их, то, пожалуй,
Они, как в циркуле, вдвоем...
Одна недвижно в центре встала,
Другая движется кругом.

Одна застыла в центре круга,
Но и она не просто ждет,
А все стремится за подругой,
Пока обратно не вернет.

Так ты предстанешь в час урочный,
Мне трудный озаряя путь...
Но ты мой круг очертишь точно,
Чтоб я сумел его замкнуть!

ЭКСТАЗ

Там, где подушкой на постели
Вздыхался берег над водой,
Среди фиалок мы сидели,
Влюбленные, вдвоем с тобой.

В руках сплетенных мы скрывали
Скреплявший их любви бальзам,
Свои глаза мы нанизали
На два луча, летящих к нам.

Пока лишь рук переплетенье
Соединяло нас в одно,
И было нам деторожденье
Скрещеньем глаз заменено.

Как меж двух войск победы дело
Не решено еще судьбой,
Так души наши, бросив тело,
Простерлись меж тобой и мной.

А мы, пока общались души,
Как два надгробия легли.
Весь день, покоя не наруша,
Мы лишь молчать с тобой могли.

Когда б знаток всех тайн любовных
Здесь рядом где-нибудь стоял
И, полон мыслей негреховных,
Язык желаний понимал,

Не зная, чью он душу слышит
(Твердили обе об одном),
Он мог, узнав, чем души дышат,
Домой вернуться мудрецом.

Такой экстаз был постиженьем
Святого таинства любви...
Мы не стремились к вожделеньям,
Смирив пока огонь в крови;

Но каждая душа скрывала
Неведомое ей самой,
Любовь их вновь перемешала,
И стали две души одной.

Пересади росток фиалки
Из поля в сад. И вид иной:
Цветок ничтожный, скудный, жалкий
Вдруг заблещет красотой.

Когда придет любовь иная
И две души соединит,
То, душу высшую рождая,
Она раздельность сокрушит.

И мы, став новою душою,
Свою природу познаем,
Ведь атомы есть души, коим
В обличье не бывать ином.

Но почему же так надолго
Мы забываем о телах?
Нас на земле ждет подвиг долга,
Покуда души в небесах.

О да, мы благодарны телу!
Оно, нас заново создав,
Дарует силу без предела:
Оно не шлак для нас, а сплав.

Влиянью неба подчиниться
Сумей и в низкой сфере зла;
Душа с душою может слиться,
Когда сближаются тела.

Лишь кровь горячая рождает
В нас вечный дух для славных дел,
И жизнь людская возникает
Лишь в схватке двух сплетенных тел.

Вот почему душе спуститься
Порой приходится к телам,
И пробует любовь пробиться
Из них на волю к небесам.

Стремленье к телу не случайно,
В нем — откровений бытие...
В душе любви сокрыты тайны,
А тело — летопись ее.

И если б кто-то на мгновенье
Души подслушал диалог,
Он никакого измененья
В нас обнаружить бы не мог.

ЗАВЕЩАНИЕ

Пред тем, как тихо испустить дыханье,
Я огласить хотел бы завещанье:
Глаза дам Аргусу, пока смотрю,
Ослепнут — их Амуру подарю.
Слух — дипломатам иностранным,
А слезы — женщинам иль океанам.
Я у тебя, Любовь, учиться рад
Служить лишь той, с кем чуть не двадцать спят,
И нечто только тем дарить, кто этим уж богат.

Я постоянство отдаю планетам,
А правду — тем, кто связан с высшим светом.
Иезуитам — откровенность, прямоту,
А меланхолию — шуту.
Молчанье тем, кто повидал чужбину,
А кошелек свой — капуцину.
Теперь, Любовь, я научиться рад,
Любить лишь ту, с кем у меня разлад,
И нечто только тем дарить, кто этим не богат.

Католикам я веру завещаю,
Еретикам голландским отсылаю
Деянья добрые, а вежливость свою
Я университету отдаю.
Солдатам буйным — скромность и смиренье,
А игрокам — свое терпенье.
Так мне Любовь урок дает:
Любить лишь ту, в чьем сердце мрак и лед,
И нечто только тем дарить, кто прочь мой дар швырнет.

Друзьям я славу о себе вручаю,
Усердие врагам я оставляю,
Сомненье пусть ученые берут,
Болезнь — врачи, им хватит дела тут.
Природе все свои стихотворенья,
Друзьям-поэтам — вдохновенье.
Любовь, я ту прославить рад,
Кто мне открыл впервые мир услад,
И делать вид, что я дарю, хоть отдаю назад.

По ком звонит уж колокол прощально,
Тому отдать лечебники не жаль мне;
Том афоризмов пусть берет Бедлам,
Медали бронзовые — беднякам.
Тем, кто живет от родины не близко,
Дарю я свой язык английский.
А ты, Любовь, велишь любить
Лишь ту, кто дружбу хочет разделить
С юнцами и дары мои в дешевку превратить.

Раздав дары, я цель свою открою:
Умру — весь мир любви умрет со мною!
И будет не ценней улыбка на устах,
Чем золото в забытых рудниках,

Ненужной станет прелесть милой,
Как ход часов во мгле могилы.
Любовь, велишь ты в этот раз
Любить мне ту, кто отвергает нас,
Чтоб жизни свет — увы! — навек для всех троих погас!

ПОГРЕБЕНИЕ

Пусть тот, кто в саван труп мой облечет,
С плеча случайно
Кольцо волосяное не сорвет,
Пусть не касается он этой тайны.
Оно второй душой
Иль вице-королем для первой стало,
На нем зарок такой:
Чтоб в целости оно в могиле тело сохраняло.

Всевластный мозг сплетеньем нервных жил
Скрепляет тело,
Чтоб я в незыблемом единстве жил,
Но эта прядь волос — иное дело:
Их высший ум послал,
И лучше, тоньше будет их работа,
Чтоб горе я познал:
Так осужденный в кандалах стоит у эшафота.

Но все равно, зарой кольцо со мной...
Теперь уж муки
Все принял я, и кончится бедой,
Коль попадет оно в чужие руки.
Хоть приписать нельзя
Ему какую-то таинственную силу,
Но, кажется, не зря
Частицу малую твою я взял с собой в могилу.

РАСПАД

Она мертва... А то, что умирает,
Вмиг превращает в атомы распад,
Скрепленные невидимым союзом,
Частицы сходные кружатся в нас.
И атомы ее в меня влетают,
Они во мне недвижимо лежат
И бесполезным и тяжелым грузом
Сильнее, больше душат каждый час.
А пламень страсти, вздохов легких стая,
И влага слез, и боль моя земная,—
Все это — плоть мою и кровь —
Все уничтожила любовь...
Но и она меня губила, умирая,
И я живу, страданьями томим,
Вздувая пламя топливом своим.
В победных войнах алчные владыки,
С врагов своих собрав побор великий,
Быстрее гибнут от безмерных трат, —
Так смерть ее и мне сулит распад:

Скопленье атомов мне гибель предвещает...
Вслед за душой ушедшею спеша,
Ее настигнет на лету моя душа:
Так пуля, что вдогонку вылетает
С зарядом большим, первую в дороге нагоняет.

ЗАПРЕТ

О, берегись любить меня!
Я заклинаю, запрещаю я!
Не потому, что буду затаенно
За счет и слез твоих и вздохов жить,
Став для тебя отныне всей вселенной,
Но чудо жизни так легко разбить.
Тебе несчастьем станет смерть моя...
Щади себя и не люби меня!

И ненавидеть ты остерегись,
Победой перед всеми не хвались.
Не потому, что сам, подвластен бедам,
Я ненависть ответную воздам,
Но ты утратишь все плоды победы,
Отдав меня могиле и червям...
И, чтоб не каяться потом в своей вине,
Скрой ненависть ко мне!

Пусть, действуя согласно, в лад,
Любовь и ненависть мне обе не вредят!
Люби — чтоб умереть мне легче было,
Возненавидь—любви не стою я.
Пускай меня не сокрушит их сила,
Пусть зиждется на мне вся жизнь твоя.
В любви и ненависти не смертельный хлад,
А жизнь даруй мне — выше всех наград!

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Разорван поцелуй последний, нежный, —
Он наши две души уносит прочь...
Как призраки, уйдем в свой путь безбрежный,
Наш день счастливый превратится в ночь.
Любить мы не просили позволения,
И вот разлуки грянуло мгновенье!

Иди! Двоих не сгубит это слово...
Ты можешь повелеть уехать мне,
Но пусть падет разлуки гнет суровый
На одного, пусть мучусь я вдвойне.
Разлуку смерти я уподобляю,
А твой приказ — как будто смерть двойная!

ВЫЧИСЛЕНИЕ

Со дня вчерашнего лет двадцать я
Не верил, что уйдешь ты от меня...
Лет сорок вспоминал я наслажденья,
Лет сорок ждал, что будет продолженье.
Столетье слез и вздохов двести лет,
И тысяча — прошла как бурный бред.
Ты стала для меня всем белым светом....
Но годы шли — и я забыл об этом.
Миг смерти даст бессмертьем овладеть:
Ведь призраки не могут умереть!

ПАРАДОКС

Любви не предавайся безрассудно!
Познать ее нам трудно.
Любой влюбленный твердо убежден,
Что любит только он.
«Я полюбил!» — тут смысл предельно точен:
«Мой путь земной окончен!»
Любовь нас губит яростным огнем,
А смерть — недвижимым льдом.
Тот обречен, кто полюбил однажды.
Нет, мы не любим дважды!
Он только кажется живым с тех пор,
Обманывая взор,
И жизнь его мелькает перед нами,
Как меркнущее пламя:
Хоть час назад дыхание ушло,
Но в теле есть тепло.
И я любил, и смерть меня сразила,
Я стал себе могилой,
И, разделяя мертвецов судьбу,
В любви я как в гробу.

ПРОЩАЙ, ЛЮБОВЬ!

Всю жизнь в пути,
В любви я чаял божество найти,
Я ждал его благоговей...
Как атеисты в час предсмертный свой
Трепещут перед тайной роковой,
Так истину искал везде я!
Вперед
Всегда неведомое нас влечет,
Неодолимо в нас к нему стремленье,
Но тем страшнее с высоты паденье.

Актер-король,
В короне золотой играя роль,
День-два на ярмарке блистает
И — свергнут с трона! Так и цель любви
За коей гонимся с огнем в крови,
Достигнутая, в ад швыряет,
И в нас
Блаженства ослепительнейший час
Оставит не безгрешное веселье,
А чад горчайший плотского похмелья,

Могли бы вы
Быть веселы, как петухи и львы,
Немедля после наслажденья?
Закон природы строгой так упряма,
Что ночь любви дня жизни стоит нам.
Все презирали бы мгновенья
Утех,
Они бы краткостью страшили всех...
Но есть тут наваждение иное:
Встает потомства призрак над тобою.

Я признаюсь,
Что к этим наслажденьям не стремлюсь,
Я не хочу бездумно мчаться
Куда влечет опасность, как магнит,
А если рядом женский взор манит,
Я должен как-то защищаться,
Свой взгляд
Гася и отступая в тень, назад.
А если это все не состоится,
Ищи медикамент, чем пыл твой охладится.

ТРАКТАТ О ТЕНИ

Остановись послушать на мгновенье
О философии любви сужденье.

Три часа, влачась в пыли,
Наши тени с нами шли,

Как наших тел покорные созданья...

Но вот уж солнца свет над головой,

А тени — под ногой,

Где на земле кругом одно сиянье.

От всех, пока любовь росла,

Ее скрывала тени мгла,

Но вот пора иная подошла.

Не достигает та любовь зенита,

Цель коей в том, чтобы остаться скрытой.

Когда в любви наступит охлажденье,

Дальнейший путь родит иные тени.

Те скрывали свет от глаз

У других, а эти нас

Томят и тьмой нам застилают взоры,
И меркнет свет любви, клонясь в закат,
 А мы, в тоске утрат,
 Таить всё друг от друга будем скоро.
Уж нет предутренних теней,
А эти тени всё длинней,
И краток день любви — он гаснет вместе с ней.

Любовь идет к расцвету постепенно...
В ней ночь за полднем следует мгновенно!

ДАР

Пришли мне дар, чтоб жизнь вернуть надежде,
Чтоб мыслям беспокойным дать покой;
Неси в мой улей меду, как и прежде,
Чтоб я в любви не исходил тоской.

Не жду я ленты, вышитой тобою,
Чтоб две любви неистовых связать,
Ты и кольцо не шли мне золотое,
Чтоб вновь о нашей верности сказать.

Раз мы друг друга в чистоте любили,
Кораллов не прошу с твоей руки,
Сплетенных тесно, чтобы так же были
И наши мысли родственно близки.

Я не прошу ни твоего портрета,
Хоть всех дороже, всех желанней он, —

Ни в письмах остроумного ответа,
Столь частого во дни былых времен..

Нет, никаких даров теперь уж мне не надо...
Скажи: «Твоей любви я верю!» — мне в награду!

ВЛЮБИСЬ В САМОЕ СЕБЯ

Те, кто любят, но в любви
С ней же борются, как с болью,
Не подымут бунт в крови:
Эти любят против воли.

Не одобряю я и тех,
Кто лишь жаждет наслажденья
И готов, содеяв грех,
Ускользнуть без промедленья.

Ну, а тот, кто признает
Только избранных красавиц
Иль к одним уродам льнет—
Тот отъявленный мерзавец.

Бойся тех, кто так умен,
Что пред ним ты просто дура;
А дурак, когда влюблен,
Лишь помалкивает хмуро.

Да и тех я не терплю,
Кто нам дарит уйму денег,
Но зато и не хвалю
Тех, кто даром нас разденет.

Неужели нет мужчин,
С кем навек соединиться?
Выход, видимо, один:
В самое себя влюбиться.

ЭПИГРАММЫ

ГЕРО И ЛЕАНДР

Мы здесь без воздуха в одной земле зарыты:
Единым пламенем, одной водой убиты.

ПИРАМ И ТИСБА

Разлука их навек соединила:
И страх и страсть она в них погасила.

НИОБЕЯ

Я всех детей мгновенно потеряла...
Окаменев, себе я склепом стала.

ГОРЯЩИЙ КОРАБЛЬ

Корабль пылал... Спасенья нет нигде!
Лишь разве там, за бортом, — меж волнами...

Но вмиг сжигало из орудий пламя
Тех, кто искал спасения в воде.
Вот так все моряки и погибали:
В огне тонули иль в волнах сгорали.

ПАДЕНИЕ СТЕНЫ

Под взорванной и рухнувшей стеною
Наш воин завершил жите земное...
Среди героев зависть он стяжал:
Ему весь город мавзолеем стал.

САМООБЛИЧИТЕЛЬНИЦА

Ты вечно к девкам льнешь — жена тебя честит;
Ее позор теперь соседям всем открыт.

РАЗВРАТНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Грехи и волосы: в чем сходство — вот вопрос!
Чем более грехов, тем менее волос!

ЛИШЕННЫЙ НАСЛЕДСТВА

Отец твой беднякам наследство отказал,
Так ты не все еще надежды потерял.

ФРИНА

На свой портрет лишь тем похожа Фрина,
Что размалеваны и девка и картина.

КЛОКИЙ

Так бурно клялся он, что к шлюхам ни ногой,
Что сунуть нос теперь не смеет он домой.

ЭЛЕГИИ

Элегия I РЕВНОСТЬ

Безумная, ты злишься: муж твой жив,
Ты жалуешься мне, что он ревнив.
Вот если бы старик метался, лежа
От яда в язвах весь на смертном ложе,
Дыханьем хриплым издавая свист,
Как некий фантастический флейтист,
Готовый сплунуть душу со слюною
Навек из пекла одного в другое,
А тут ждала бы рокового дня,
Наследства алча, нищая родня, —
Тогда бы ты безмерно ликовала
И, как раба, свободу предвкушала.
Но так как он еще покуда жив,
Ты горько плачешь—он еще ревнив.
Нет, одарим его благодареньем:
Он нас от бед спасает подозреньем.
Шутить над ним мы больше не должны,
Хотя ужимки старика смешны,
Опасно, за обедом сидя рядом,

Обмениваться словом или взглядом...
А если он, отменно пьян и сыт,
В плетеном кресле громко захрапит,
Уж нам нельзя в его кровать забраться,
Чтоб там забавам сладостным предаться.
Да, здесь для нас опасности кругом:
Он в замок, в крепость превратил весь дом.
Но если (как противники тирана
От ярости его в другие страны
Бегут, чтобы спастись, к его врагам)
И мы сбежим, чего ж бояться нам?
Его ловушки, козни и шпионы
Для нас отныне вовсе не препоны.
За Темзою не страшен нам лорд-мэр,
И папа нынче немцам не пример.

Элегия II
АНАГРАММА

Женись на Флавии, в ней все черты
Неоспоримой женской красоты:
Глаза малы, зато велик ротище,
Зрачки белы, но черные зубищи,
Взор тускл, но глупость в нем блестит всегда,
Лоб облысел, а кожа так тверда,
Щек желтизна, и красная косица...
С ней год проспи —останется девицей!
Раз эти признаки сошлись в одной —
Не это ль совершенство, милый мой?
В ней все найдешь—и красный цвет и белый,
А где они — тебе какое дело.
Когда флакон с духами покупаем,
Где мускус и где амбра — мы не знаем,
Причудливо сплелись в ней все черты...
Пред нами—анаграмма красоты!
Будь буквы слов всегда в одном порядке,
То наши речи стали б очень гладки.

Когда искусный музыкант из нот
Нам звуки чудных песен создает,
Другой иначе повторяет ноты
И открывает новые красоты.
Она — красавица наоборот,
Иль попросту — хорошенький урод.
Как и любовь, она такое ж чудо,
С ней можно позабавиться не худо.
Страсть часто гаснет вместе с красотой,
Она же не меняет облик свой.
Мятежный ангел скрыт в любой красоте,
А Флавия скромна, как ангел кроткий:
Проводит легче жизнь свою урод,
Всегда трудней красивая живет!
На пир мы в шелк и в золото рядимся,
В сукне и коже в путь далекий мчимся.
Краса порой бесплодна; для мужей
Грунт плодородней, где земля черней.
А если ты ревнив до озверенья,
Она — бальзам, дарящий исцеленье.
Здесь евнухов не надо... Я могу
Ее доверить даже и врагу.
Так город в Бельгии себя спасает:
Шлюз отворив, все грязью затопляет.
Когда в отлучке ты, урод жена
Тебе всегда останется верна.
Подобный лик и солнце сгонит с неба,
Ведь даже негр пред ней белее снега.
Она хоть год в притоне проведет —
И все равно нетронутой уйдет.
А коль начнет рожать, то повитуха
Сочтет, что это просто вздутие брюха.
Вини она себя черт знает в чем,
Никто ей не поверит нипочем.

И от нее любой сбежит, все бросив,
Как от жены Пентефрия Иосиф.
С уродиной такой — ты без хлопот,
А яркий плащ любой дурак возьмет!

Элегия III
ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Хоть верой ты и добрыми делами
Союз воздвигла вечный между нами,
Хоть изменяла мне, меня любя,
Но все же я боюсь, боюсь тебя.
С искусством может женщина сравниться:
Открыта всем, но всем ли покорится?
Из клетки птицу я пустил лететь:
Ее другой изловит сразу в сеть...
Вот так и женщины — созданы эти
Сотворены для всех мужчин на свете.
Козлы и волки к разным самкам льнут,
Но женщины всегда их превзойдут,
Как и мужчин, своей любовной силой:
Природа ненасытность в них вселила.
Муж скован, но не знает пут жена,
Он — раб в цепях, галера же вольна.
Владелец сам все поле засекает,
Но сеять и другим не возбраняет.
Хоть в море течь Дунаю суждено,

Но примет Волгу, Рейн и По оно.
Ты ценишь эту вольность в человеке,
Но лучше мне отдай любовь навеки.
При сходстве душ любовь еще верней...
Ужель я изменяться должен с ней?
Уж лучше изменять дам ей, несчастной,
Чем буду сам грешить я столь же часто,
Пусть не исправлю, но хоть дам понять,
Что не годится с первым встречным спать.
В одной стране всю жизнь—ты как в темнице,
Но тот безумен, кто по свету мчится.
Затянут тиной, пруд в тиши застыл,
Но в бурном море взбаламучен ил.
Нет, речку самой чистой назову я,
Она течет, два берега целуя.
Изменчивость нас пестует, и в ней
Жизнь, музыка и радость для людей.

Элегия IV
ДУХИ

Застали только раз меня с тобою...
Твой каждый взгляд, движение любое –
За все я нынче должен отвечать,
Как вор, кому облыжно приписать
Все грабежи за целый год готовы,
И твой отец допрос ведет сурово.
Хоть, взорами его испепелен,
Я вижу — с василиском сходен он,
Хоть сотни раз своей клянется честью,
Что не получишь ты его поместья,
Коль снова он застанет нас вдвоем, —
Заветной тайны мы не выдаем.
Мать за тобою зорко наблюдает,
В постель зарыта, но не умирает,
Она храпит, злодейка, целый день,
А ночью за тобой следит, как тень.
Когда вернешься, нагулявшись где-то,
Считает брошки, кольца и браслеты,
Целуя, за руку тебя возьмет,

Пощупает: не вспух ли твой живот.
С упреками мешая ахи-охи,
Приметит все: румянец, бледность, вздохи.
Иль вдруг затеет каяться она:
Мол, в юности сама была грешна.
Но все же ведьма толку не добьется —
Твоя любовь над нею лишь смеется.
Твои братишки эльфами всю ночь
Мелькать у тихой комнатки не прочь,
А утром, чтобы леденцов им дали,
Отцу нашепчут все, что увидали.
Угрюмый страж у врат внушает страх,
Он бога вспоминает лишь в божбах, —
Железный воин в рост восьмифутовый,
Стоит он, как Колосс Родосский новый,
И очутиться я боюсь в аду:
Я непременно там его найду.
И хоть за нами наблюдать он нанят,
Уж нас в ловушку эту не заманят.
Но, черт возьми, сюда принес я сам
То, что нас мигом выдало врагам!
Да, в том, что нас застигли, виноваты
Духов пронзительные ароматы.
Предвидя бунт, всю ночь не спит тиран;
Так был отец твой страхом обуян.
Он счел бы их, будь это запах скверный,
За вонь от потных ног своих, наверно,
Но наш народ на острове живет,
Где мы разводим лишь собак да скот
И чудищем сочли б единорога...
Так и отец твой был смущен немного.
Своим шелкам велел я не шуршать,
И башмакам я приказал молчать,
Но ты, коварный аромат, случайно

Отцу разгневанному выдал тайну:
Незримо в ноздри ты к нему проник,
Со мной не расставаясь ни на миг.
Так различить не в силах мы порою
Где в нас здоровое, а где больное.
Из-за тебя развратник в гроб сойдет,
Целуя зараженной девки рот.
Из-за тебя нередко нас ругают
И женственными даже называют.
Ты принят и в палатах королей,
Но ложь там часто истины милей.
И боги ведь не жертву одобряли,
А радовались, что тебя сжигали.
Ты—зло, какой бы облик ни обрел;
Зачем же нам любить стихию зол?
С тобой все благо погибает сразу,
Его ты истребляешь, как заразу.
Охотно все духи свои отдам,
Когда умрет отец твой,— на бальзам!

Элегия V
ЕГО ПОРТРЕТ

Дарю тебе портрет... Гоним судьбою,
Надолго разлучаюсь я с тобою.
Коль смерть в глазах моих погасит свет,
То у тебя останется портрет.
А вдруг вернусь, ветрами опаленный,
Лучами солнца южного сожженный,
С ладонями, изодранными в кровь
От жестких весел, в край родимый вновь,
Лицо и тело — будет все иное:
В них навсегда утрачено бывшее!
В бушующей Атлантике поход
Открыл мне мир страданий и забот:
Мешком костей разбитых стало тело,
От ран и шрамов кожа огрубела...
Но если упрекать тебя начнут
Мои соперники — подлец иль плут,
Что я — урод, — воспользуйся портретом
И сплетников отвадь таким ответом:

«От шрамов для меня ущерба нет,
Они ведь красоты не гасят свет.
А все, что в нем неловким, робким было,
Расцветом стало мужественной силы!»

Элегия VI

Нет, я служу тебе не так, как те,
Кто лижет пыль, ползя на животе,
И ждет от знати слова или взгляда —
Со мною их равнять совсем не надо.
Я не принадлежу к таким льстецам,
Кто королям воскурит фимиам
И там, где нет у них давно уж власти,
Нет, бескорыстно предаюсь я страсти.
Или в ответ ты подари мне рай,
Иль обольщеньям больше не внимай.
Душа, как меч в ножнах, скрывалась в теле,
Но клятвы и объятья не сумели
В мое чистилище тебя завлечь,
Чье сердце — воск, а неприступность — меч.
Так лепестки несет волна потока,
Но омут вдруг их увлечет глубоко,
И там — конец! Так желтый глаз свечи
Приветно манит мух в свои лучи,
И, заманив, им крылья опаляет, —

Так дьявол наши души соблазняет.
Когда я вижу, как ручей весной
Лепечет что-то ласковой волной
Или течет безмолвно, как в дремоте,
По руслу вдаль, и вдруг на повороте
Обвисший куст дорогу преградит, —
Тогда он вспенится и забурлит,
Но если снова путь себе пророет,
То ринется туда и там завоюет,
Забыв свой старый и привычный путь, —
Поток туда не хочет и взглянуть,
Бушующая и рева в остервененье,
Оглядываясь только на мгновенье.
А я скажу, раз жребий мой жесток:
Сухое русло — я, а ты — поток!
Пусть взор, что сердце мне оледеняет,
Во мне отчаянья не порождает,
А то и я, на путь презренья став,
Лишу тебя твоих законных прав.
Тогда тебя иным я взором встречу,
И бледность щек и тусклый взор замечу.
Я стану для любви невозвратим:
Так был народами отринут Рим.
И вспыхнет ненависть еще сильнее,
И разлучусь я с прелестью твоею,
Но буду ли, отступник с тех времен,
Жалеть, что я от счастья отлучен?

Элегия VII

Ты, дура, у меня любви училась,
Но в сей премудрости не отличилась;
Был для тебя труднейшей из наук
Таинственный язык и глаз и рук,
И ты по вздохам плохо различала,
Где ложь, а где отчаянья начало,
И по слезам ты не нашла ответ,
Горячка это или просто бред.
Не втолковал тебе я алфавита
Цветов, где в хитрых сочетаньях скрыта
Безмолвная таинственность речей —
Язык, столь ясный в немоте своей.
Но помни: до сих пор ты не умела
Поклонникам своим ответить смело,
Сказать, как мужа твоего зовут,
И то был для тебя немалый труд,
На речь двухчасовую ты готова
Была пролепетать лишь два-три слова,
Галиматью, суть коей неясна...

Нет, ты теперь не мужняя жена!
Тебя держал он где-то под замками,
Чтоб ты не вздумала встречаться с нами...
Теперь тебя я, не жалея сил,
В Эдем благословенный превратил, —
Слова и жесты — всё мои созданыя,
Вложил я жизнь в тебя, вдохнул познание.
Но я, на чашу нанося эмаль,
Сам из стакана пью — вот это жаль!
Я воск топил, но клал другой печати,
И жеребенка начал укрощать я,
Чтоб на коне обьеженном потом
Другой наездник проскакал верхом.

Элегия IX
ОСЕННЕЕ

Тех чар Весна и Лето не имеют,
Какими облик Осени владеет.
Там юность обольстительно манит,
А тут влечет нас что-то, как магнит.
Где стыд любви, тревоги и волненья?
Любовь здесь перешла в благоговенье.
Век золотой пережила она,
Но в золоте не меркнет новизна.
Период знойных дней уж прекратился
И климатом умеренным сменился.
Пожалуй, было б губительно для нас
Увидеть снова пламень этих глаз.
Морщинки эти вовсе не могилы,
Нет, в них Любовь в безмолвном сне застыла,
Но все-таки она не умерла,
А, как отшельник, здесь покой нашла.
Но рано или поздно смерть приходит,
Любовь здесь как бы склеп себе возводит.
Она скиталась долго и приют

Себе желанный обретает тут.
Здесь вечер, а не день, не мрак полночный,
Здесь вождельенье стало непорочным.
И благостны ее слова для нас
И в час веселья и в серьезный час.
Подлесок — юность, зрелость — лес пиленый,
Так мы ликуем в юности влюбленной.
А кровь с июньским сходствует вином,
Его охотно мы под старость пьем.
Когда-то Ксеркс был восхищен платаном,
Древнейшим древом, — меж других титаном,
Не потому ль, что юность тут была
Бесплодной от природы, как скала?
Влечет к далеким целям человека...
Мы к зрелости приходим за полвека:
И в круге быстро гаснущих теней
Она милее нам на склоне дней.
Но облики Зимы я отвергаю,
Где кожа дряблая, а не тугая,
Где искры глаз в провалах темноты,
Где жутко щелями зияют рты,
А зубы все разбросаны по свету:
Как душам в день суда собрать их где-то?
О нет, мне мерзостен живой скелет,
Где от бывшего и следа уж нет.
Враг крайностей, я чаще в самом деле
Стою у гроба, чем у колыбели.
И если движется любовь во тьму,
Пускай она нисходит по холму,
А не стремится в гору, к молодому...
Я с теми, кто бредет под вечер к дому.

Элегия XII
РАЗЛУКА С НЕЮ

Она уходит... Я объят тоскою...
О Ночь, приди, меня окутай тьмою
И тенью ада сердце мне обвей:
Я обречен страдать в разлуке с ней.
Закован я в тоски тугие звенья,
Они страшней, чем адские мученья.
И помыслы мои черны, мрачны,
Как ты, о Ночь, без звезд и без луны.
Могу с тобою мраком поделиться,
Сказав: Заря теперь не загорится!
Хочу быть зрячим, но под гнетом бед
Огонь в груди — единственный мой свет.
Любовь — соединенье света с тьмою,
Ее триумф нам сделался бедою.
Уж не из-за ее ли слепоты,
Друг друга мы не видим, я и ты?
Ужель нас покарать жестоко надо
За нарушение должного обряда?
Ужель предать ты пыткам хочешь нас,

Себе даруя праздник каждый раз?
О нет, вина моя, моя расплата,
Хоть и судьба здесь в чем-то виновата.
Меня сперва лишь милый облик влек,
Теперь я ввергнут в горестей поток.
И лишь на миг по наважденью злomu
Вдруг к яблоку приник я золотому,
Я только каплю уловил в волне
И был богатым лишь в неверном сне.
Любовь слепая, ты чему нас учишь?
За грех мой ты мою голубку мучишь,
И, в ярости жестокой правоты,
Мои терзанья ей даруешь ты.
Вот так разит с паденьем фаворита
Его семью и всех друзей Фемида.
Мгновенной молнией ты в первый раз
Зажгла палящее желанье в нас,
И мы вздыхали, таяли и млели,
Хоть пламя слить еще мы не успели.
Ты повела нас дальше за собой
Опасной, неизведанной тропой,
Где ждали нас ловушки и шпионы,
И твой супруг, враждебный, воспаленный
От ревности, как страж у врат тюрьмы...
Все это стойко выдержали мы!
В часы тревог друзья нас охраняли,
Украдкой от врагов мы письма слали,
Ловя на миг, одолевая страх,
Блаженство в поцелуях и словах.
Все диалекты в наш язык вместились,
Мы говорить глазами научились,
И под столом шел часто диалог —
Его вели мы при участие ног.
Но разве бледность щек, сердец биенье

Не наших ли секретов разглашенье?
Мы из чистилища попали вдруг
В обычную историю разлук.
О нет, для нас не может быть разлуки!
У нас навек слились уста и руки...
Как гибкий плющ, объятая мы сплетем,
И даже страх нас заморозит льдом,
Да так, что и сама Судьба пред нами
Зальется вдруг кровавыми слезами.
Судьба, не стоишь жалоб ты моих,
Тебе, наверно, стыдно слушать их!
Хоть ты пред нами вьешься лютым змеем,
С любимой мы оружием владеем
И против стрел твоих и всяких бед...
Для нас твоих преград жестоких нет!
И если бы ты даже и сумела
На время разлучить два наших тела,
То души наши тесно сплетены:
Сближают нас подарки, письма, сны...
И солнца свет, что в небесах блистает,
О красоте ее напоминает:
Нежна, как воздух, как огонь чиста,
Ясна, как влага, как земля, тверда.
Так время наш союз благословило:
Весна любви начало возвестила,
А Лето — что наш урожай созрел,
И Осень—что в нем каждый колос спел.
Но не врагом мы называем Зиму,
А временем, что пролетело мимо.
Пусть ночь надеждой светит нам в пути:
Так легче нам разлуки груз нести.
Хоть где-то бесконечны холод с тьмою,
Но солнце льет тепло над всей землею.
Пусть доли света не везде равны,

Мы за других быть счастливы должны.
Будь стойкой в бедах, никакое горе
Пусть в твоём не затаится взоре,
И не Презреньем ты борись с судьбой,
Да будет Постоянство факел твой!
Твоим умом готов я восхищаться,
Когда мои в нём мысли отразятся.
А у меня, чтоб ты не знала зла,
Со словом не расходятся дела.
Недвижный полюс сдвинется скорее,
Чем я другую назову своею...
Уж если мой оледенеет пыл,
То знай: весь мир уж замер и застыл.
Добавить мог бы я ещё немало,
Но слушать ты, наверное, устала...
Незыблема вовек любовь моя,
Любви не меньшей жду в ответ и я!

Элегия XIII
ДЖУЛИЯ

Внимай, о зависть! Джулию мою
Разоблаченью ныне предаю!
Она всегда злословит и клеветает,
Стремясь невинным нанести бесчестье,
И даже, говорят, она порой
Друзей ближайших жалит клеветой.
И пламя ревности она не хуже
Раздуть умеет в разъяренном муже,
А в паутину сотканых сетей
Ловила даже собственных детей.
У этой сплетницы одна забота —
Ей лишь бы только очернить кого-то!
Будь жив Вергилий, слывший жен бичом,
Уж он пронзил бы Джулию пером.
Ее глаза горят, как у Химеры,
И ярость в ней рождается без меры,
И, как бы переняв вороний крик,
Зловеще каркает ее язык.
Как Тенаруса страшное зиянье,

Живому смерть несет ее дыханье!
Она обычно портит всем обед,
Интересуясь тем, что ест сосед,
На Орк ее походит разум злобный,
Для черных замыслов весьма удобный.
В нем хитрости, обман, коварство, лезть,
И мерзостей и каверз там не счесть.
Она равно находит наслажденье
И в клевете и в клятвопреступленьи!
И, как в луче пылинки мельтешат,
В мозгу мыслишки жалкие кишат.
Нет, я не трус, но все ж признаться надо,
Что Джулия страшней любого яда.

Элегия XIV

РАССКАЗ О ГОРОЖАНИНЕ И ЕГО ЖЕНЕ

Вреда я не желаю ни шуту,
Ни лорду, ни калеке на мосту,
Ни рыцарю, судье иль шарлатану,
Ни плуту, ни в отставке капитану,
Ни рогносоцу... Я строкой своей
Заплывших жиром не хлещу свиней.
Клеветником я не был и не буду,
Хоть сам, признаться, вижу их повсюду.
И кары не страшусь — ведь мой рассказ,
Клянусь, о лорды, не заденет вас!
На днях верхом старик с женою ехал...
Я их нагнал, и началась потеха:
Она была собою недурна
И, вероятно, для утех годна.
Вдруг вижу — муж распутный обернулся
И к женке с поцелуем потянулся.
Супруг, конечно, ехал впереди,
А дама помещалась позади.
Чтоб завести знакомство, очень скоро

Со стариком я начал разговоры.
Я спрашивал: болеют ли чумой,
Купцы ведут ли на таможах бой,
И что в Виргинии, и, нам на горе,
Урд пиратствует ли в Южном море,
И как на бирже лондонской дела,
Той, что открыта лишь на днях была,
Закончены ль Олдгейтские ворота,
Торговцев много ль перешло в банкроты.
Но он в ответ был сумрачен и горд,
Как до лохмотьев обнищавший лорд.
Лишь да и нет бормочет — не иначе...
Тут я о прибылях беседу начал,
Тогда он малость развязал язык:
«Эх, добрый сэр,—так мне сказал старик,
В делах и двор и город пошатнулись...»
(Тут мы с его женой перемигнулись!),
А он ораторствовать продолжал
И наше время гневно обличал.
Он говорил, что все отменно плохо,
Хвалил он только Эссекса эпоху:
«То был поистине великий век!
И нынче славы жаждет человек,
Но пыл его расчеты охлаждают,
О подвигах и думать не желают.
Ростовщиков кругом полным-полно,
Повсюду сводни, шлюхи и вино,
Лишь королевским фаворитам льготы,
А бедняки без хлеба, без работы.
И так у многих прахом жизнь идет:
Сперва он еле на ноги встает,
Но минет год, и он уже банкрот».
От злости он все больше распалялся
И мне почти изменником казался.

Он утверждал, что нынче нет стыда:
Когда во храме служат иногда
Молебствие во здравие лорд-мэра, -
Толпа вопит «Аминь!» без всякой веры.
Не знаю, до чего б дошел старик,
Но тут как избавленья вдруг возник
Вблизи гостеприимный облик зданья
Таверны, где гостили горожане.
Я предложил ему сюда зайти
Немного подкрепиться по пути.
А он был полон злобы и печали,
Как будто их в дороге обокрали,
И грубо отказался, хоть жена
Твердила, что она утомлена.
Что ж было делать? Тут я с ним простился,
Но адрес все-таки спросить решился,
Он дал и посулил стакан вина,
Но больше обещала мне жена!

Элегия XV
УВЕЩЕВАНИЕ

Увериться, что верных женщин нет,
Увы, с тобой мне довелось, мой свет!
Я размышлял: «Ужель она так лжива
Лишь оттого, что так она красива?»
И юной прелести ли это знак,
Что ты не ладишь с правдою никак?
Ты думаешь, что небо глухо, слепо
И с рук сойдет тебе обман нелепый?
Ужель все клятвы — дымка над водой,
Что ветер вдаль уносит за собой?
Иль в женском знойно-ледяном дыханье
Нам жизнь и смерть предречены заране?
И кто бы вообще подумать мог,
Что нежных слов струящийся поток,
И вздохи, что навек сердца скрепляют,
И сотни клятв, что слезы исторгают,
И сладость поцелуев на устах —
Что все это блаженство — только прах?
Ты в долг брала, чтоб откупиться штрафом?

О да, теперь я думаю со страхом,
Что все ты говоришь наоборот,
И ложь твоя меня уж не проймет.
Хоть женщины стремятся к наслаждениям,
Тебя одну считал я исключением!
Любимая, хоть ревность жжет мне грудь,
Я сам тебя влеку на страшный путь...
Но верю, что скорее в небосводе
Погаснет солнце, смерть неся природе,
Скорее реки потекут назад
Иль Темзу летом льды загромоздят,
Скорей изменится земли движенье,
Чем ты свое изменишь поведение.
Но кто же тот, кому, не чая зла,
Доверить наши тайны ты могла?
Из-за него теперь пришлось нам туго,
Мы сгоряча во всем виним друг друга.
Кому-то наши речи и сейчас
Доносит он, подслушивая нас.
Пусть, заклеймен проклятьем окаянным,
Он бродит Каином по дальним странам,
И пусть его преследует нужда,
Изобретательная, как всегда,
Пусть от него любой отводит взоры,
Пусть сам он изнывает от позора,
Пусть, бога отвергая, он живет,
И в муках, нераскаянный, умрет.
Пусть волки ему сердце растерзают,
Пусть коршуны глаза повыдирают,
Пусть кабаны кишки его сожрут,
А злой язык пусть вороны склюют,
И пусть грызут дворцовые собаки
Его застывший труп, сшибаясь в драке!
Теперь конец проклятьям! Пусть любовь

Во мне, как пламя, возникает вновь,
И в этом верном рыцарском служеньи
Пусть днями станут краткие мгновенья.
Так радуется художника всегда
Не результат, а самый ход труда.
С тех пор как ты любовь мне подарила,
Я стал хвалить все то, что ты хвалила:
Попав на пьесу или маскарад,
Актерам тем же был я хлопаться рад,
Но, слово дав себе держаться скромно,
Вдруг в дерзости срывался неумной.
И постепенно стал я понимать,
Что, как недуг, любовь легко поймать.
Мы дорожим как высшим счастьем ею:
Найти легко, а сохранить труднее.
В одно мгновенье ты любовь зажег,
А как сберечь потом на долгий срок?

Элегия XVI
ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Молю свиданьем первым, роковым,
Желаньями, что мы с тех пор таим,
Молю неутолимою тоскою,
Которую признание мужское
В тебя вселило, памятью о том
Сопернике, что мне грозил потом...
Молю тебя отцовским гневным взором,
И горькою нуждою и позором
Я заклинаю... Ну, а клятвы те,
Что мы давали в юной чистоте,
Навек отныне предаю забвенью:
Пусть рока не грозят тебе гоненья!
Утихнет пусть любовный пламень наш,
Ведь ты моя подруга, а не паж!
Уеду я, не взяв тебя с собою,
Но мыслью буду одержим одною —
Скорей вернуться... Если ж ты умрешь,
Мой дух из стран далеких призовешь,

Ты красотой своею всемогущей
Не победишь морской волны ревущей,
И гнев Борея не умеришь ты:
Ведь погубил он чудо красоты,
Любимую безмерно Орифею...
Оставь же эту глупую затею:
Не рвись к беде! Нам всюду путь открыт:
Нас и вдали любовь не разлучит.
Зачем тебе юнцом переряжаться?
О нет, ты женщиной должна остаться...
Ведь все равно в пути заметят все
Румянец твой в пленительной красе!
Мартышка и в шелках ведь омерзенье,
Луна луной пребудет и в затменье.
Француз — нарядный хлыщ, хамелеон,
Рассадник мод, недугов разных он,
Актер отменный в театральной зале,
Каких в Европе раньше не знавали, —
Боюсь, тебя приметит он тотчас!
Развратный итальянец всякий раз
При встрече за мальчишку принимая,
К тебе пристанет, дерзко обольщая,
Но здесь, в Британии, никто из них,
Голландец даже, пьяный за троих,
Тебя не тронет. Здесь гуляй с другими
Английскими подругами своими
И ожидай, пока твой срок придет
И бог к себе тебя не призовет.
Молись, когда уеду, дорогая,
Любовных тайн во сне не разглашая...
Благословляй, кляни, хвали, ругай,
Но в полночь няньку воплем не пугай:
«Приснилось мне сейчас, что еле-еле
По Альпам он бредет сквозь вой метели.

Мне чудилось: врагами окружен,
Был ранен, и упал, и умер он!»
Молись о счастье мне, коль Зевс заране
Нас не обрек на худшие страданья!

Элегия XVII
РАЗНООБРАЗИЕ

Я в небе измененья наблюдаю,
А сам разнообразье отвергаю
И не делю со многими любовь...
Но только новизна волнует кровь.
Ведь солнце, золотой властитель света,
Преображая тусклые предметы,
По зодиаку движется вперед
И, кончив старый, входит в новый год.
Вселенная подвластна измененью:
Лишь в нем одном источник наслажденья.
Прозрачнее всего реки поток,
Где он широк и путь его далек,
Пруд может быть приятною картиной,
Но он гниет и зарастает тиной.
Не говорите мне, друзья, о ней,
Что лишь она достойна быть моей.
Ее желанной сделала природа,
Пожалуй, для всего мужского рода, —
Я первый бы презреньем заклеил

Того, кто бы ее не полюбил,
Я жизнь готов отдать, в любви сгорая,
Но, как хотите, я не понимаю,
Зачем служить я должен лишь одной,
Не смея и помыслить о другой?
Нет, мне не по душе закон такой!
Я белокурой нынче околдован,
Сияньем золотых волос я скован,
Взор нимфы обольстил меня, увлек...
Я даже бы в могилу с нею лег!
Но и смуглянка может стать любимой,
Ведь речь ее влечет неодолимо.
В иных, хотя достоинств этих нет,
Но тоже привлекает некий свет,
И хоть они не блещут красотой,
Зато пленяют мыслью чистотой,
И тут нас соблазняет, так сказать,
Сама попытка их завоевать.
А нашим предкам счастье улыбалось:
Измена там виною не считалась,
Кого желал, ту делал ты женой,
Ты мог владеть красавицей любой:
Женились на сестре и на кузине,
Как водится у персов и поныне.
Храня свое достоинство всегда,
Там дама сразу говорила: «Да!»
Совсем не то теперь уже на свете:
Доверчивость заманивают в сети,
Забит природы благодный закон,
Хоть предками священно чтился он,
И хартия свобод ушла в забвенье,
И стали мы теперь рабами Мненья.
Чудовище ужасное оно,
Нам с ним — увы! — считаться суждено:

Оно вельнем моды непреклонной
Диктует нам и нравы и законы,
Неся любви непоправимый вред,
И прежней силы у любви уж нет!
Амур теперь зачахнул и смирился,
Могучих крыльев он своих лишился,
Утратил лук тугой с колчаном стрел,
Которыми сердца разить умел.
Как мало тех, кто нынешней порою
Остался в дружбе с вольностью былою!
Сторонники низвергнутой любви,
Они хранят ей преданность в крови,—
И, нынешние обходя запреты,
Дают ей вечной верности обеты.
В их лагерь, скромный рыцарь, встал и я,
И не уступит им любовь моя.
Я радость нахожу в таком служенье,
Готов я исполнять ее вельня,
И, данный лишь одним движеньем глаз,
Мгновенно сердце выполнит приказ.
Наступит некогда иное время,
И я отвергну тягостное бремя:
Не вечно рабство, должный срок пройдет,
И лучший век свободу нам вернет.
То, что дало нам времени течение,
Не так легко поддастся измененью,
Страстей мгновенных схлынет суета,
С достоинством сольется красота,
И ежели в одной найдется счастье,
Навек мы будем у нее во власти.

Элегия XIX
К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ, КОГДА ОНА ЛОЖИТСЯ СПАТЬ

Скорей иди ко мне, я враг покоя,
И отдыхая, я готовлюсь к бою.
Так войско, видя, что уж близко враг,
Томится ожиданием атак.
Скинь пояс, он как Млечный Путь блистает,
Но за собой он лучший мир скрывает.
Позволь с груди мне брошку отстегнуть,
Что дерзким взорам преграждает путь.
Шнуровку прочь! Бренчание металла
Пусть возвестит, что время спать настало.
Долой корсет — завидую ему,
Он ближе всех к блаженству моему.
Спадает платье... Нет мгновений лучших!
Так тень холмов уходит с нив цветущих.
Сними венец и взвей из длинных кос
Мне диадему золотых волос!
Скинь туфельки, дай волю ножке пленной...
Пора в постель, во храм любви священный!
Так в белом ангелы слетают к нам...

Ты, ангел, рай сулишь, который сам
Суровый Магомет признал бы раем,
Но в белом мы и дьявола встречаем.
Их различить нас умудрил господь:
Бес волосы подьемлет, ангел — плоть.
Рукам блуждать дай волю без стеснения
Вперед, назад, кругом, во все владения...
Моя Америка! Моя Земля!
Здесь я один на троне короля.
Ты — жемчуга страны вновь обретенной,
Открыв тебя, живу я обновленный.
Тут сдаться в плен — свободным значит стать,
Где руку приложил — моя печать.
О, нагота! Блаженству нет предела!
Пусть, как душа, на волю выйдет тело.
О, жены, жемчуг ваш, прельщая глаз,
Как Аталанты яблоки для нас.
Глупец на жемчуг взоры устремляет:
Его не суть, а внешность привлекает.
Вы — книжечки с обложкой расписной
Перед непосвященною толпой,
Для нас же вы — мистические книги,
Где сказано, как вечность скрыта в миге.
Чтоб это я познал, ступай сюда,
Как няньке, покажись мне без стыда...
Пусть красота блеснет во всем сиянье,
Невинность, не отталкивай желанья!
Чтоб дать пример, вот я уже раздет...
Укроешься ты мною или нет?

Элегия XX
ЛЮБОВНАЯ ВОЙНА

До мирных дней со мной воюй с другими,
А там уж я не дам тебе быть с ними.
Позор — сдаваться в битве, между тем
Ты, вольный город, отдаешься всем.
Во Фландрии не разберешься быстро,
Народ восстал, иль враг пошел на приступ.
Здесь и глупцы такой ответ дают:
Кто разнимает — тех всех больше бьют.
А Франция все злее с каждым годом
Враждует с нашей верой и народом.
Мечтой о нашем золоте полна,
Своих долгов не отдает она.
В Ирландии волненья, беспорядки:
Ее колотит будто в лихорадке,
То вспыхнет, то опять угаснет вдруг:
Лишь время исцелит ее недуг.
Считают, чтоб она здоровой стала,
Ей кровь не худо б отворить сначала.
Любой из нас в Испании Мидас:

Есть золото, но нет еды для нас.
В зените солнце, зной... Глаза ослепли...
Издохнешь скоро тут в жаре и пепле.
На кой же черт нам плыть на корабле,
Уж лучше быть в тюрьме, но на земле!
Корабль с монастырем сравниться может:
Но там — Эдем, здесь — адский огонь нас гложет.
Не раз кончался гибелью поход,
Корабль для моряка что эшафот!
Походы — это голод, язвы, раны...
Нет, лучше смерть, чем плыть в чужие страны!
Я здесь хочу, в объятях, воевать:
Атаковать, брать штурмом, умирать...
В твоих руках я скован как цепями,
И ты в моих объятях делишь пламя.
Ты сердце отдаешь на время в плен,
Но и мое берешь себе взамен.
Войну ведут, чтоб мирных дней добиться,
Мы отдохнем, чтоб вновь потом сразиться.
Там где-то прячется внизу глупец,
Здесь, наверху, покоится мудрец.
Там пушки и вдали людей пугают,
Здесь пули и кинжалы не сражают.
Там лечь — позор, здесь — честь лежать вдвоем.
Там бьют людей, а мы их создаем.
В тех войнах новой не творится жизни,
Здесь мы солдат даем своей отчизне.
Остались сотни, тысячи в тылу:
Здесь оружейник на любом углу!
И я не еду — там бойцов излишек,
Уж лучше здесь творить с тобой мальчишек!

* * *

САТИРА I

Чудак нелепый, убирайся прочь!
Здесь, в келье, не тревожь меня всю ночь.
Пусть будет, с грудой книг, она тюрьмою,
А после смерти — гробом, вечной тьмою.
Тут богословский круг собрался весь:
Философ, секретарь природы, здесь,
Политики, что сведущи в науке —
Как городам скрутить покрепче руки,
Историки, а рядом пестрый клан
Шальных поэтов из различных стран.
Так стоит ли мне с ними разлучаться,
Чтоб за тобой бог весть куда помчаться?
Своей любовью поклянись-ка мне —
Есть это право у тебя вполне, —
Что ты меня не бросишь, привлеченный
Какой-нибудь значительной персоной.
Пусть это будет даже капитан,
Себе набивший на смертях карман,
Или духами пахнувший придворный,

С улыбкою любезной и притворной,
Иль в бархате судья, за коим в ряд
В мундирах синих стражники спешат,
Пред кем ты станешь льстиво извиваться,
Чьим отпрыском ты будешь восхищаться.
Возьми с собой иль отправляйся сам:
А взять меня и бросить — стыд и срам!
О пуританин, злобный, суеверный,
Но в свете церемонный и манерный,
Как часто, повстречав кого-нибудь,
Спешишь ты взором маклера скользнуть
По шелку и по золоту наряда,
Смекая — шляпу снять или не надо.
Решишь ты это, получив ответ:
Он землями владеет или нет,
Чтоб хоть клочком с тобою поделиться
И на вдове твоей потом жениться.
Так почему же добродетель ты
Не ценишь в откровенье наготы,
А сам с мальчишкой тешишься на ложе
Или со шлюхой, пухлой, толсторожей?
Нагими нам родиться рок судил,
Нагими удалиться в мрак могил.
Пока душа не сбросит бремя тела,
Ей не обрести блаженного предела.
В раю был наг Адам, но, в грех введен,
В звериных шкурах тело спрятал он.
В таком же одеянье, грубом, строгом,
Я с музами беседую и с богом.
Но если, как гнуснейший из пьянчуг,
Во всех грехах раскаявшийся вдруг,
Ты расстаешься с суетной судьбою,
Я дверь захлопну и пойду с тобою.
Скорее девка, впавшая в разврат,

Вам назовет отца своих ребят
Из сотни вертопрахов, что с ней спали
И всю ее, как ветошь, истрепали,
Скорей ты возвестишь, как звездочет,
Кого инфанта мужем наречет,
Или один из астрологов местных
Объявит, зная ход светил небесных,
Какие будут через год нужны
Юнцам безмозглым шляпы и штаны, —
Чем скажешь ты, пред тем как нам расстаться,
Куда и с кем теперь пойдешь шататься.
Не думаю, чтоб бог меня простил,
Ведь против совести я согрешил.
Вот мы на улице. Мой спутник мнетя,
Смущается, все больше к стенке жметя
И, мной прижатый плотно у ворот,
Сам в плен себя покорно отдает.
Он даже поздороваться не может
С шутом в шелках, разряженным вельможей,
Но, жаждой познакомиться палим,
Он шлет улыбки сладостные им.
Так ночью школьники и подмастерья
По девкам сохнут за закрытой дверью.
Задир и забияк боится он,
Отвешивает низкий им поклон,
На прочих он готов с презреньем фыркать,
Как конь на зрителей с арены цирка.
Так безразличен павиан иль слон,
Хотя бы короля увидел он!
Вдруг олух заорал, меня толкая:
«Вон тот юнец! Фигура-то какая!
Танцор он превосходнейший у нас!»—
«А ты уж с ним готов пуститься в пляс?»
А дальше встреча и того почище:

Дымит из трубки некто табачищем,
Индеец, что ли. Я шепнул: «Пойдем!
А то мы тут в дыму не продохнем!»
А он — ни-ни! Вдруг выплыл из-под арки
Павлин какой-то пестроцветно-яркий,
Он вмиг к нему! Ужели он сбежит?
Да нет, поблеял с ним и вновь бубнит:
«Чтят все вельможи этого милорда:
К нему за модами спешит весь Лондон,
Придворных лент и кружев он знаток,
Его авторитет весьма высок!» —
«Скорей актерам нужен он на сцене...
Стой, почему дрожат твои колени?» —
«Он был в Европе!» — «Но в какой стране?»
««Он итальянец, он француз вполне!»
«Как сифилис?» — промолвил я ехидно,
И он умолк, обиделся, как видно,
И вновь к вельможам взоры — в пику мне...
Как вдруг узрел свою любовь в окне!
И тут мгновенно он меня бросает
И к ней, воспламененный, поспешает.
Там были гости, дерзкие на вид...
Он в ссору влез, подрался, был избит
И взашей вытолкан, и две недели
Теперь он проваливается в постели.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ

КРИСТОФЕРУ БРУКУ

ШТОРМ

Тебе, с кем я все ближе год от года,
Вот эпизод из нашего похода:
Ценней нам Хильярда единый штрих,
Чем целые полотна у других.
Мои стихи (без самовосхваленья!)
Пускай твое получат одобренье.
Ведь знатоки не даром говорят,
Что лишь друзья строжайший суд творят.
Мать Англия сейчас пришла в унынье:
Сыны могилу ищут на чужбине,
Что суждено нам — то произойдет,
Судьбой равны ничтожность и почет.
Из недр земли вдруг ярость вихря встала
И сферы воздуха заколебала...
Пронесся вихрь, и легкий ветерок
Вновь на мгновение к земле прилег
И видит: флот в порту еще томится,
Как узник, прозябающий в темнице.
И, к парусам безжизненным прильнув

(Как бы кусок голодному швырнув),
Он их надул, и мы в сей миг отрады,
Как Сара забрюхатевшая, рады.
Зато уж дальше хуже все пошло...
Пришлось нам в океане тяжело:
Два короля, чьи далеко владенья,
Сошлись, чтоб с третьим здесь начать сраженье;
Два ветра — западный и южный — вдруг
В волнах воронки вырыли вокруг.
Быстрее, чем ты читаешь эти строки,
К нам в паруса ворвался вихрь жестокий...
Промчался шквал и разогнал туман,
За шквалом — шторм, за штормом — ураган.
Мне жаль тебя, Иона, я клянусь
Тех, кто не дал тебе предаться сну:
Подобен смерти исцелитель-сон,
Хотя людей не убивает он.
Очнувшись, вижу, что в глазах все тмится,
Исчезли все пределы и границы:
Слились восток и запад, день и ночь,
Весь мир в небытие отхлынул прочь...
Нас сотни разных шумов оглушали,
Но только гром мы ясно различали,
Меж молний ливень лился сквозь туман,
Не выпило ли солнце океан?
Одни в каюты скрылись, как в гробницы:
Смерть грянет — не успеешь помолиться!
Другие вышли, бледные, как тень,
Как души из могилы в судный день,
Им все казалось, как ревнивцу мужу,
Что их дела становятся все хуже.
А те, со страху взгромоздясь на люк,
Блуждали взором сумрачным вокруг.
Корабль в недуге: мачты так шатало,

Как будто лихорадка их трепала,
В водянке брюхо трюма, над волной
Взвивались ванты лопнувшей струной.
А с мачт сползали рваные лохмотья,
Как с трупа, что уж год на эшафоте.
Орудия, чей долг нас защищать,
Стремилась оторваться и удрать.
Мы к помпам сразу, да что толку в этом?
За валом вал накатывало ветром.
Матросы глохнут, и едва-едва
Из уст их вырываются слова.
Тут смерть казалась легкой тошнотою,
А шум Бермуд казался тишиною.
Мрак, света старший брат, вокруг царил,
А младший брат на небо изгнан был,
В одно все вещи в этом мире слились,
В бесформенность все формы превратились,
Не верилось, что день придет опять...
Да будет свет! — вновь должен бог сказать.
Столь яростен был натиск диких фурий,
Что я и о тебе забыл средь бури.

ШТИЛЬ

Утихнул шторм, и ярость урагана
Сменилась штилем в шири океана.
Старинной басне смысл обратный дан:
Гораздо хуже аиста чурбан.
От шторма натерпелись мы немало,
Но штиль еще мучительней, пожалуй.
Спит море, став прозрачней и светлей,
Чем зеркало возлюбленной моей.
Как острова, куда мы долго плыли,

На глади наши корабли застыли.
Как в шторме из всех дыр вода текла,
Теперь из всех пазов ползет смола —
Вся красота поблекла и затмилась:
Двор отбыл в город, пьеса завершилась.
Развешаны лохмотья по бортам,
Все снасти превратились в рвань и хлам.
Нет фонарей, ничто не шевельнется,
На палубе и пыль не шелохнется.
А в легких мира — в полостях земли —
Во сне глубоком ветры полегли.
И мы не можем встретиться с друзьями,
Не можем снова в бой вступить с врагами.
Лишь тот безумный, кто за борт махнул,
Друзей встречает в челюстях акул.
Одни на люках разлеглись рядами,
Как будто жертвы перед алтарями,
Другим пришлось на палубу возлечь,
Как отрокам во огненную печь.
Но если мы задумаем купаться,
Прохлады нам, как в Бате, не дожждаться,
А далее придется нам опять,
Как грешникам, на угольях сгорать.
Как в клетке Баязет пред Тамерланом
Иль как Самсон, остриженный обманом,
Бессильно никнут наши корабли.
Как муравьи грызут змею в пыли,
Вот так испанцев легкие баркасы
Облепят наши спящие пинассы.
Так что ж —- нужда, стремление к деньгам,
Возможность скрыться от любовных драм,
Геройской смерти жажда, жажда чести, —
Что вдаль влекло? Или все это вместе?
Не знаю, но мучений не стерпеть;

Здесь храбрый жив, трус должен умереть!
Так, словно тень, проносится лесами
Затравленный олень, гонимый псами...
Судьба преграды ставит нам во всем,
А мы на мерзости ее плюем!
Тот, кто богов о ветре просит в море,
Тот зноя ждет в аду себе на горе.
Чего ж теперь людской достигнул род?
Как мало мы продвинулись вперед.
Не славны мы великими делами,
Подводит случай нас или мы сами.
Ни сил у нас, ни чувств, ни воли нет...
Нет, лгу, тогда б не знал я этих бед!

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ

Как поцелуй, связуют письма души
Друзей в разлуке в море и на суше.
Так легче жить, и, бросив их писать,
Поэзии не мог бы я создать.
Росток травы, увянув постепенно,
Соломинкой я стал бы в стоге сена.
Жизнь — плаванье, где рифы есть всегда:
Деревни, и Дворцы, и Города.
Они крушат суденышко любое,
Они измажут хуже, чем смолою...
Живи не на экваторе, где зной,
Не в Арктике, где холод ледяной, —
Старайся зон умеренных держаться
И там живи, чтоб с бедами не знаться.
Зной во дворцах, зато в деревне — лед...
А город льдом и зноем нас гнетет.
Чеснок с навозом разве ароматы?
Целебны ль скорпионы или скаты?
Нет, Город — худшее из них троих,

Хоть зло заключено в любом из них.
Да, Города похожи на гробницы:
Там жизни можно запросто лишиться.
Дворцы — театры, где игрой судьбы
Одни — монархи, прочие — рабы.
Ну а деревни — скучные пустыни,
Где не было добра, да нет и ныне.
Там лишь зверье, тупицы — в городах,
И дьяволы—в растленнейших дворцах.
Как мир в начальном хаосе движенья
Явил простых стихий переплетенье,
Так ныне гордость, алчность и разврат —
Эмблемы этих мест — везде царят.
Они в кровосмешенье пребывают,
Возносят ложь, а правду распинают!
Пусть вам не кажется, что на замок
Я запер в добродетели порок.
Как губки люди: стоит выжать воду,
И ты поймешь их лживую природу.
Сперва спознались ангелы с грехом
И дьяволы, а мы уже потом.
Одни животные греха не знают,
Но люди им — увы! — не подражают.
О, если б люди в этих трех местах —
В Деревнях, и Дворцах, и Городах,—
Себя познали б в чувствах и делах,
Любой бы счел соседа иностранцем.
И утопиец стал бы итальянцем.

Ты сам — свой дом, живи в себе самом,
Не заживайся в городе одном.
Улитка, проползая под травую,
Повсюду тащит домик свой с собою.
Бери с нее пример судьбы благой:

Будь сам дворцом, иль станет мир тюрьмой!
Как пробка, на волне не колыхайся
И, как свинец, на дно не погружайся,
А рыбкою в воде скользи всегда,
Не оставляя в глубине следа...
Пускай неслышно тень твоя мелькает,
Пусть дышишь или нет — никто не знает.
Галену лишь в одном не подражай:
Чтоб процветать в дворцах, не принимай
Ни грана сельской скуки, и ты сразу
Изгонишь, как алхимики, заразу.
Давать тебе советы — что за прок?
Я только повторяю твой урок.
Не погрязая ни в немецкой схизме,
Ни в галльском или римском атеизме,
Взяв лучшее оттуда, с высоты
К нам с верой прежнею спустился ты.
О милый друг, со мною разлученный,
Не забывай надолго

Джона Донна.

СЭРУ ГЕНРИ ГУДЬЕРУ

Тот, кто хранит лишь к прошлому любовь,
Тот жизни новый лист прочесть не в силах.
Минувшее он видит, слышит вновь,
Перебирая четки дней унылых.

Закончен зодчим превосходный дом...
А дальше что? Начнется разрушенье!
Но житель дома — человек, и в нем
Вперед и выше — вечное стремленье!

У тела утро есть в свежесть дня,
Но день мелькнул, и следом ночь настала.
Луна и солнце — искры для меня,
Душе бессмертной и вселенной мало!

Нельзя изнежить душу, с юных дней
Лишь материнским молоком питаю,
Чем старше мы, тем больше жажда в ней,
Познанья жажда, без конца и края...

Пусть взрослою насытится едой!
Вот книга жизни — Школа, Двор и Лагерь.
Ответь: во время жатвы ты порой
Среди забав не забывал о благе?

Ты взрослый? За границу поезжай!
Там мудрости не больше, без сомненья,
Но дело в том, что нам родимый край
Способен дать одни лишь развлечения.

Широкий мир открылся впереди!
Привычки прочь — начнется жизнь иная...
Иди! Куда? Отсюда! Рассуди:
Ты вновь живешь, о прошлом забывая.

Твоя душа, небесное дитя,
В порочный мир слетает, горько плача,
Но, шар земной в скитаньях обойдя,
Вернется в небо опытом богаче.

Она от лишних трат уберезет,
Заставит лени, лести, лжи стыдиться,
Чтоб, видя у земли ее полет,
Не думал ты, что ввысь она стремится.

Но с небом будь в общении живом,
Будь близок с ним чутьем исконно мудрым
И днем почаще вспоминай о том,
Что дал себе зарок исполнить утром.

Расстанься с ложью и не будь упрям.
Но для чего тебе теперь пишу я
То, что прекрасно знаешь ты и сам?
И пень прочел бы лекцию такую.

Ты должен сделать то, что обещал...
Я, и уехав, все же здесь, с тобою,
И ты в стихах, хоть дом не покидал,
Приехал в Мичем в миг один со мною.

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ

Что тут хорошего? О, я бы мог
Прославить Кадикс иль десятком строк
Изобразить царящий здесь порок.

Для аппетита надо прогуляться...
А мне, чтоб отвращения набраться,
В Дворец иль в Город надо отправляться.

Порок навис там всюду черной мглой!
Одна отрада лишь — в толпе людской
Порочнее тебя любой другой.

Того, кого Судьба всю жизнь терзает,
Преследует, молениям не внимает,
Того она, придворным назначает.

Лишь честностью наивной защищен,
Здесь при Дворе с индейцем сходен он,
Кому грозит испанский легион.

Полны здесь люди дерзости опасной...
Но помолчим! Протесты все напрасны,
Хоть наши беды сознаем мы ясно.

А в годы юности, ты помнишь, сэр,
С Двора стремилась драма брать пример?
А нынче Двор стал, словно сцена, сер.

Давай фигляров этих мир постылый
Мы осмеем в сатире с прежней силой:
Деянья их — как шахмат стук унылый.

От смеха при Дворе не жди добра!
Но уж с Двором прощаться мне пора...
Верней, пора убраться со двора.

HENRICO WOTTONI IN HIBERNIA BELLIGERANTI ¹

Ты побеждать уехал? И мгновенно
Забыл о нас, о друг мой драгоценный?
Ужели дружбе гибель суждена,
И грозная ирландская война
Мой облик в памяти твоей стирает?
Смерть, ярый жнец, серпом друзей сражает,
Уносит в мир, где вечный лед и тьма,
Где летаргия сердца и ума.
Да, пушек гул на острове туманном
Над телом властен — лютый враг судьба нам!
Чем ждать недуга яростных атак,
Не лучше ль встретить ранней смерти мрак?
Но пусть твоя душа (что с малолетства
Достоинств уйму получив в наследство,
Отшлифовалась в школах и в дворцах)
Не гаснет на ирландских берегах.

¹ Генри Уоттону, сражающемуся в Ирландии (лат.)

Пространных от тебя не жду посланий
Иль писем, привлекающих вниманье
Агентов, их вскрывающих тайком...
Ты сердцем мне пиши, а не умом!

ТОМАСУ ВУДВОРДУ

Спеши, мой стих, нам торопиться надо
К тому, кто стал мне болью и отрадой!
Я дал тебе, хоть ты и груб и дик,
И шаг, и ум, и душу, и язык.
Ты верный мой защитник, избавитель,—
Я твой создатель, ты же мой спаситель!
Скажи ему: сомненья нет теперь —
Где с надписью зловещей ада дверь...
Но там, где друга нет, признаться надо,
Повсюду на земле подобье ада.
И я в аду: на улице любой
Чумы дыханье вьется надо мной.
Живой иль мертвый, шлю в стихах посланье.
Ужели это будет завещанье?

ТОМАСУ ВУДВОРДУ

Мне и стихам пора уж отправляться:
Мне — в сад, а им с тобою повидаться.
Я— к няньке, к сыну Муз они стремятся.

Пусть умер плотник, крепкий дом стоит,
И хоть опасность королю грозит,
Судьбу посла она не омрачит.

Пусть я томлюсь, от грусти изнывая,
Стих, точной картой горя представляя,
Узрит того, по ком, я умираю.

И я стихам завидую своим:
Несчастен я, но путь счастливый им!
Ты как портрет иль клятву, что храним,

Прими их и, найдя в них свет любви,
Любовью и меня благослови.

РОУЛЕНДУ ВУДВОРДУ

Мой друг, мы с Музой шлем тебе привет!
Нам грустно, что тебя так долго нет...
Для нас ты символ тайного союза,
В котором слиты тело, ум и Муза.
Здоров ли ты, иль снова заболел?
Иль ум твой озабочен спешкой дел?
Иль ты от мира скрылся в отдаленье,
Чтоб в тишине предаться вдохновенью,
И с Музою наедине опять
Готовишься элегии создать?
Не разлучай меня надолго с нею,
Иначе я от скуки захирею.

ЭДУАРДУ ГИЛПИНУ

Хромой мечтает покорить вершины,
Вот так стихи из илистой долины,
Неся любовь и радость, в добрый час
От нас к тебе взлетают на Парнас.
Внизу ты видишь Лондон пред собою,
Где я томлюсь, не балуем судьбою.
Охвачен город скукой и тоской,
Заполнены театры пустотой,
Так узки, тощи улицы столицы,
Как будто после родов роженицы.
Медведя ль травят, вора ли казнят —
Хоть этим от хандры спастись я рад.
Из Лондона на лоно сельской лени
Уеду поискать там развлечений,
И ты не подражай пчеле, что мед
На липких лапках в улей свой несет,
А соревнуйся с русскими купцами,
Ты свой корабль к зиме грузи стихами.
Дай нам отведать саффолкских услад,
Чтоб ульем или складом стал твой сад.

И. Л.

Храню я в сердце список всех друзей,
Начав его с фамилии твоей.

Вблизи, в английских графствах обитая,
Иль где-нибудь на; Сене, По, Дунае,

Друзья нам шлют привет издалека...
Но Трент, как Лета, страшная река.

С зарею больше сну не предаваясь,
С женою неохотно расставаясь,

Идешь ты обозреть свой тучный скот
Иль как в амбар волной зерно течет.

А ночью вновь отдашься наслажденью....
Но час найди друзьям и вдохновенью,

Чтоб видел я, что и любовь ко мне
И Музы дар угасли не вполне.

И. Л.

Благословляю север я, поэт!
Там Солнца моего сияет свет...
А здесь у нас прохладная погода,
Как будто нынче солнце с небосвода
Ушло туда, к подобью своему,
Оставив нам лишь ветер, снег и тьму...
Здесь нет ни лета для меня, ни юга,
Сияющие дни сменила вьюга.
А сердце там, на норде ледяном,
Где Солнца сделалось оно рабом.
Но раз ты сам вкушаешь наслажденье,
То принеси мне помощь и спасенье!
Пусть бродят на полях твоих всегда
Не тощие, а тучные стада...
Пусть лес твой вечно шелестит листвою,
Весной — зеленой, в осень — золотою...
Пусть больше будет от овец ягнят,
Пусть вихрем кони по лугам летят,
Пусть рок твоей любви не охлаждает,

Пусть сыном опекун не управляет,
И пусть, всегда спокойствия полна,
Не старится вовек твоя жена.
Пусть ждет тебя успех во всех свершеньях –
Лишь Расскажи ей о моих мученьях!

БЭЗИЛУ БРУКУ

Ужель еще священный глад познания
Не утолен? И улей ума
Не полны меду? Но ведь в них тома
Любых наук о целом мирозданье!
Так вырвись же и уходи, мой друг,
Из Кембриджа, от этой няньки старой,
Чтоб одолеть гранитные, как скалы,
Анналы юридических наук!
Трудись, моих грехов не повторяя:
То, что мне надо б в юности начать,
Теперь я должен в старости создать...
Я, как беспутный путник, нагоняю:
Бездельником я был при свете дня,
Теперь во тьме пришлось мне гнать коня.

Коль ты обвенчан с Музой молодою,
Ее лелей и оплодотворяй!
А мне, безумцу, ты не подражай:
Бедняжку Музу сделал я вдовою.

Уж к ней настолько холоден я был,
Что нынче развелась она со мною.
Я не могу обзавестись второю, —
К тому ни воли нет, ни просто сил.
Без матери родились эти строки,
Им нужно содержание наконец:
Ведь их лишь формой наделил отец.
Боюсь, тут есть пробелы и пороки.
Стихи мои с пристрастьем прочитай
И лишь тогда Поэзией признай!

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ

при назначении его послом в Венецию

Итак, указ король тебе вручает,
Поставив подпись собственной рукой.
Тебя он полномочьем облакает,
Как бы на время делая собой.

Ты в фонаре его горишь свечою,
Ты — копия, а он — оригинал,
Ты — скромный луч, он — солнце золотое...
И этот луч он вдаль светить послал.

Ты целый ряд ученых книг готовишь...
На многое здесь дан тобой ответ,
И ты из этих почерпнешь сокровищ
Ценнейший опыт на десятки лет.

Счастливого пути друзья желают
Тому, чей парус пред отплытьем взвит...
Так в небеса молитвы воспаряют,
Когда по ком-то колокол звонит.

Прими и это скромное посланье,
Введи его к собратьям в высший круг...
Послу в Венеции напоминаю
О долге здесь себе позволит друг.

Пусть будет там, покуда не вернешься,
Лишь честь твоим советником всегда...
Ты для меня таким же остаешься,
Каким ты был и в прежние года.

Жить легче, если власть не обретаем,
Величья груз нести нам тяжелей:
Тут за себя мы только отвечаем,
А там и за грехи других людей.

Ты возведен отныне в ранг достойный,
В последнее горнило входишь ты:
Оставив в прошлом Школу, Двор и Войны,
Теперь достиг ты новой высоты.

Что до меня (я есть или нет, не знаю!),
Судьба (коли такая штука есть!)
Твердит, что бунт напрасно поднимаю,
Что лучшей доли мне и не обрести.

Хоть разлучает нас она с тобою,
Слова моих молитв услышит бог,
И то, о чем прошу его с мольбою,
Я думаю, он ниспослать бы мог.

Отрывки из поэмы
«АНАТОМИЯ МИРА»

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Все в новой философии — сомненье:
Огонь былое потерял значенье,
Нет солнца, нет земли — нельзя понять,
Где нам теперь их следует искать.
Все говорят, что смерть грозит природе,
Раз и в планетах и на небосводе
Так много нового; мир обречен,
На атомы он снова раздроблен,
Все рушится, и связь времен пропала,
Все относительным отныне стало...

Все рушится, как в бездне ураганов:
Из параллелей и меридианов
Искусно сети человек соткал
И небо в эти сети он поймал.
Ленясь, на холм взберемся мы едва ли,
Мы небу к нам спуститься приказали,

И звезды, повинуюсь удилам,
Хоть с неохотой, но покорны нам.
Круглы ль земного шара очертанья?
Нет, разве Тенериф не встал в тумане,
Как пик, и не луне ли суждено,
Наткнувшись на него, пойти на дно?

Отрывки из поэмы
«О ПУТИ ДУШИ»
ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

Я мог теперь наглядно убедиться,
Что жизнь земная вечно будет длиться:
Уж год прошел, как тьмою мир объят,
Померкло солнце, властвует закат.
Земли и неба свет, дыханье, сила —
Все это тьма навеки поглотила,
И для земных и для небесных глаз
Прекрасный свет безвременно угас.
Но вот корабль, свой парус убирая,
Еще плывет, легко валы взрезая...
Или отрубленная голова
Летит на землю — вся в крови трава,
И два потока схлынулись, алея,
Один из тела, а другой из шеи,
И к вечности по ним плывет душа...
И хоть застыло тело, не дыша,
Но взор открыт, дрожит язык приметно,
Как бы роняя звук души предсмертный...
Не передаст тревога этих строк
Зловещей судороги рук и ног,

Движенья эту мне напоминают,
Как льдины по весне хрустят и тают.
Так, часто лютя в сырости ночной
Сама застонет лопнувшей струной.
Везде всему сопутствует движение:
Оно в любом распаде или тленье,
Так этот мертвый мир, где прах и мгла,
Еще не замер, хоть Она ушла.
Ведь были дни и до создания света,
Они летят, а солнце гаснет где-то,
Мы созерцаем бедствий страшный час:
Второй потоп обрушился на нас!
Лишь волны Леты плещутся забвенно
И все добро исчезло во вселенной.
Источником добра она была.
Но мир забыл о ней в разгаре зла,
И в этом общем грозном наводненье
Лишь я храню и жизнь и вдохновенье...
Тебя прославить песнь моя должна,
И этому вся жизнь посвящена.
О девушка, ты матерью не стала!
Хочу, чтобы отцом тебя назвала
Моя немая Муза, вместе с ней
В поэзии рождайте вы детей!
В веках далеких ими восхитятся
И правнуки похвал тебе родятся!
В бальзаме мир столетья проживет,
Иначе от пороков он сгниет.

Представь, что смерть похожа на лакея.
Он взял свечу, еще войти не смея.
Сперва вдали мерцает свет для нас,
Затем мы видим свет у самых глаз.

Смерть приближает к нам небес сиянье,
И в тяжкий миг последнего дыханья
Глухие звуки в ритме невопад
Гармонией сладчайшей прозвучат.

Отрывки из поэмы
«ПУТЬ ДУШИ»

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

IV

Великая Судьба—наместник бога!
Ты путь и Время очертила строго
Для всех земных существ, ты видишь вмиг
Все наши замыслы и достиженья.
Ты — узел всех причин, и поколенья
Едва ль постигли твой бесстрастный лик...
Дай жизнь прочесть в одной из вечных книг!
О, если б я достиг самопознания,
Что рок готовит — знал бы все заране:
До смерти краткий путь иль дальнейшее скитанье?

V

Идет к концу шестое пятилетье...
Немного жить осталось мне на свете!
Пусть будет он далек, мой путь земной,
От чванного тщеславья, от лишений,
От хвори, от ничтожных наслаждений,

От дел пустых и красоты шальной—
Ото всего, что гасит факел мой.
Пусть свет ума надолго сохранится,
Пусть будет дух творить, в мечтах томиться,
Пока в могильной тьме навек не затворится.

VI

Но если много лет еще минует,
Пусть море бед без устали бушует, —
Я справлюсь с грозной пенною волной...
В пустынном одиночестве скитаний
Зажглось моей Поэзии сиянье,
И, обойдя почти весь шар земной,
Причалив к смерти, я вернусь домой.
Хоть якорь выбирать пришлось когда-то
Мне вдалеке, у Тигра и Евфрата,
На Темзе опущу я парус мой крылатый.

VOTA AMICO FACTA¹
(Перевод из Газеуса)

Да сбудутся во всем твои мечты!
Пусть в подвигах затмишь великих ты,
Пусть никогда не знаешь ты забот,
Пусть седина в висках не промелькнет,
Пусть рук не тронет гнусная рука,
Пусть деньги блещут в складках кошелька,
Пусть грешной лжи не знает твой язык,
Пусть будет речь тиха и ясен лик,
Пусть пользу принесут твои дела,
Пусть будет слава о тебе светла,
Пусть тверд в стремленьях к цели будешь ты...
Да сбудутся во всем твои мечты!

¹ Пожелания другу (лат.)